

Artykuły, rozprawy

Статьи, публикации

Татьяна П. Короткая

Национальна академия наук Беларуси

Социальный идеал в современном религиозном сознании

Spoleczny ideal we współczesnej świadomości religijnej

В современном гуманитарном знании понятие идеала связано с понятием утопии, которое стало своеобразной фобией. Это связано прежде всего с тем, что XX век дал образцы практического воплощения ряда утопических идей и положений. Практическое воплощение идеалов добра, справедливости привели в итоге к формированию социальных общностей, в которых под лозунгами братства и справедливости осуществлялось закрепощение и порабощение человека, его свободы.

Тем не менее, общество и культура в целом по сути не могут существовать, не размышляя о будущем. В этом смысле можно наблюдать различные проекты, модели, в которых осмысливается как будущее развитие человеческой цивилизации в целом, так те или иные политические, культурософские и другие аспекты.

Религиозное сознание включено в этот процесс. Однако это включение имеет свою специфику и особенности: прежде всего, существует вероучительная традиция, которая составляет основу интерпретации тех или иных вопросов. С другой стороны, существует реальная социальная практика верующих, их представления и социально-политические предпочтения, которые должна учитывать церковь. Вызов современности брошен сегодня не только светскому, секулярному обществу. Он брошен сегодня и религии, церковным институтам, которые так или иначе отвечают на этот вызов, в зависимости от конфессиональной традиции, социокультурной ситуации и целого спектра других проблем.

Беларусь, как и все страны постсоветского пространства, приблизительно с середины 90-х годов прошлого века переживает своеобразный «религиозный ренессанс»: выросло количество конфессий, почти половина жителей республики заявили себя верующими. Определяющее значение в социокультурном пространстве современной Беларуси имеют две конфессии – православие и католицизм. В данном контексте мы не касаемся сложной истории их взаимоотношений, а также их отличий друг от друга, связанные с типологическими особенностями этих конфессий. Мы исходим из того, что трактовка социального идеала задается в них прежде всего общехристианскими принципами и установками.

Христианская религия в качестве социального идеала выдвигает учение о царстве Божьем. Это учение является органической составляющей христианства; оно тесным образом связано с христианской трактовкой истории. «Символ царства Божия, – подчеркивал Пауль Тиллих, – это социальный символ, который заимствован из исторического измерения, – в той мере, в какой оно реализуется в исторической жизни человека. Но историческое измерение присутствует во всей жизни. Поэтому символ царства Божие включает в себе жизненную судьбу всего мира, также как и символ Духовного Присутствия. Присущее истории свойство необратимого движения к некоторой цели привносит еще один элемент в ее символическое значение – элемент эсхатологического ожидания, ожидание свершения, к которому движется история... Царство Божие действует и борется в истории, но как вечное свершение жизни царство Божие выше истории»¹.

Царство Божие в христианской традиции связывается с эсхатологией – учением о конце света. Собственно говоря, христианский подход к учению о царстве имеет две стороны – одна, эсхатологическая, говорит о конце этого мира и о наступлении совершенного мира после пережитой катастрофы, вторым пришествием Христа и судом над людьми.

Вторая сторона говорит собственно о земном, человеческом участии в осуществлении царства. Фактически, каждый верующий живет в перспективе эсхатологии, одновременно он включен в этот мир и должен уже здесь и сейчас участвовать в осуществлении царства Божьего.

Теоретическая богословская проработка данного вопроса принадлежит Августину. Августин почитается и западной, и восточной ветвями христианства – в первой как святой, во второй – как блаженный. Современное сознание не всегда до конца осознает присутствующую здесь грань почитания; однако важно, что его идеи, став одними из краеугольных для западного христианства, являются важными и для восточного. Цель истории, по Августину, состоит в достижении града Божьего. Поэтому в истории, по его

---

¹ Пауль Тиллих. История и царство Божие. // Философия истории. Антология. М. 1995, с. 234.

мнению, следует видеть осуществление этой цели. В реальности он усматривает сложное переплетение добра и зла, града земного и града небесного.

История у Августина имеет трактовку, принципиально отличную от античной. Прежде всего, она связана с христианским креацинизмом, идеей творения. История имеет начало, но она будет иметь и конец в свете христианского учения о конце света и страшном суде. История завершится, по Августину, переходом в эсхатологическое время – вечность, «царство, что не имеет конца». Однако последние времена начинаются уже с пришествия Христа на землю. Этот последний период истории завершится судом и переходом в новое царство, где праведники обретут вечное блаженство, а грешники – смерть.

Является почти тривиальным утверждение о том, что христианство привносит новый подход к истории. Христианство, говоря о боговоплощении, трактует его как событие историческое, как имеющее конкретную историческую событийность. Рождение Иисуса, его земная жизнь, воскресение имеют конкретную датировку во времени. Рождество Христово разделяет историю на два разнокачественных отрезка: время до рождества Христова, и время после его рождения, земной жизни и воскресения. Явление Христа разламывает историю на два этапа: этап скрытого смысла, который обнаруживается в боговоплощении и второй этап, который можно назвать собственно историей. История имеет свою направленность, свой вектор развития. Целью этого вектора является царство Божье – совершенное состояние человека и мира.

Вместе с тем, истины откровения нельзя в полном объеме вместить ни в какие социальные и исторические формы. Полнота духовной жизни, сформулированная Евангелиями, не может быть вмещена в жизнь природную и социальную; она имеет эсхатологическую перспективу. Речь идет о том, что библейская история имеет определенный временной срез, четко артикулированные социальные, культурные и политические реалии, протекавшие в определенные исторические периоды. Однако важно то, что эти социокультурные реалии представляют собой существенную, но не самую основную часть христианского понимания истории. Есть определенное сущностное ядро, которое в принципе выходит за временные рамки. Это ядро имеет экзистенциальный смысл, оно раскрывается как драма человеческой жизни, которая в христианском сознании осмысливается через библейские символы и сюжеты: грехопадение Адама, история Каина и Авеля, крестная смерть Искупителя и т.д.

Это «проживание», осмысление происходит во внутреннем, духовном опыте человека. Оно происходит через сложную духовную работу, через «проработку» христианского учения собственным опытом, через духовное перерождение человека. Говоря об истории, времени, христианство вместе с этим сохраняет неизменным, «внеисторическим» духовное, экзистенциаль-

ное ядро своего учения. Поэтому для традиционных христианских конфессий достижение царства Божьего связано прежде всего с духовно-нравственным самоусовершенствованием человека, победой над собственной греховностью.

Христианство, особенно раннее, приносит новое понимание взаимоотношений человека и Бога, и одновременно, новое понимание человека. Те качества, которые приписывались раньше только Богу, переносятся теперь и на человека, что приводит к уяснению безусловного значения земной человеческой личности. Христос приближает Бога к человеку тем, что сам становится человеком. Внутренний трагизм, присущий жизни маленького человека, присущ отныне и Богу, поскольку Бог разделил судьбу своего творения, он жертвует собой для человека и для мира. Благодаря трагичности бога открывается смысл бытия, соизмеримый с человеком – страдания освящаются, благодаря страданиям богочеловека. Однако, возвышая человека тем, что трактует его богоподобным и ставит перед человеком задачу «обожения» своей природы, христианство акцентировало также идею земного несовершенства, необходимость страдания для преодоления греха. Типичным, характерным для христианства является представление о ничтожестве и слабости человека в отрыве от бога, утверждение о том, что обрести себя человек может лишь обратившись от мира к богу. Внутренний мир человека предстает как сопряжение двух начал: божественного, выбор которого требует особой направленности воли и начала распада и хаоса, которое можно преодолеть лишь молитвой, обращенностью к Богу. «Чтобы обрести спасение, – отмечал исследователь, – человек призывается усмотреть в самом себе ничто и в акте смирения раскрыть это ничто богу, предоставив ему творить из ничего «духовные дары», как он сотворил из ничего мир. Для христианского сознания всякое наглядное благополучие человека только оттеняет его метафизическое унижение и, напротив, всякое наглядное унижение может служить желанной фольгой для сокровенной прославленности»².

Поэтому для православия и католицизма важнейшими составляющими духовного приобщения человека к божественному миру являются молитва, литургия. В этих конфессиях традиционно-важную роль играет монашество, как религиозно-нравственный идеал человека. Идеал человека в православии и католицизме – это подвижник веры, монах, который занимается духовным совершенствованием. Однако, духовное подвижничество – удел немногих. Каждый верующий человек в качестве предела своего духовного совершенствования должен видеть его перед своим мысленным взором.

Современные христианские конфессии акцентируют морально-этические проблемы. Считается, что достижение социальной справедливости

---

² С.С. Аверинцев. Христианство. Философская энциклопедия. – т. 5. – с. 449.

может быть осуществлено на основании морального самоусовершенствования личности, путем ориентации ее на ту шкалу религиозно-нравственных ценностей, которую предлагает христианство. Важно подчеркнуть, что христианское учение говорит о смысле истории, ее цели, а также о смысле существования каждого человека.

Однако традиционный христианский аскетический идеал сегодня дополняется учением о социальной активности человека, важности в деле спасения и обретение царства Божия творчества человека. Современные христианские богословы подчеркивают тот момент, что творчество, как и аскетика, являются равнозначными путями человека в деле спасения. Творчество человека определяется свободой, заложенной в нем Богом. Традиционное ядро христианского учения дополняется сегодня тезисом о сотрудничестве человека и Бога, подчеркиванием творчества как сущности человека. «Сколько дерзновенно, – писал архиепископ Выборгский Кирилл, – выражение «сотрудничество с Богом» оно имеет для себя основание в апостольской проповеди... подразумевая благоу активность человека в процессе не только собственного совершенства, но и в усовершенствовании тварного мира»³.

Для современных христианских конфессий, распространенных в Республике Беларусь (православия и католицизма) сегодня характерно внимание к реальным социальным проблемам. В документах II Ватиканского собора, например, отмечалось, что верующие не могут не быть в тесном союзе со временем и современниками, их образ мыслей и чувствования пронизаны временем, отражением которых является культура.

Православная церковь сегодня также начинает активно работать в деле духовно-нравственного возрождения общества. Так, например, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» подчеркивается: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности... Недопустимо манихейское гнушение жизнью окружающего мира. Участие христианина в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповеданной любви. Христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царства Божия»⁴.

По мнению христианских богословов, для современного человека характерно принятие ошибочной системы ценностей, сориентированной на земной, вещный мир, в результате чего происходит забвение духовных ценностей. Обретение подлинной духовности усматривается в возвращении чело-

---

³ Архиепископ Выборгский Кирилл. Свидетельство и служение. Журнал Московской Патриархии, 1980, № 11, с. 43.

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Мн., 2000, – с. 2.

века к Богу, в необходимости для современного человека принятия религии и ее системы ценностей. Христианские идеологи в основу этой системы ценностей кладут истолкованные в христианском духе такие ценности, как любовь, справедливость, свобода, истина.

Особое внимание уделяется сегодня богословами трактовке любви. Они рассматривают любовь и как феномен духовного опыта, и как основу подлинных межчеловеческих отношений.

Из всех многочисленных значений слова любовь два являются наиболее значимыми в истории философии и культуры в целом. Этими значениями прежде всего являются любовь – эрос, как оно представлено в традиции древнегреческой философии и любовь – агапе: духовная любовь, смысл и значение которой в полном объеме привносится в культуру христианством. Эрос у Платона связывает человека с миром идей, с миром истинного добра и красоты. В любви происходит утверждение истинного, вечного. В «Пире» Платон формулирует философский смысл эроса как любви к красоте в себе самой. Тот, кто достигнет этот запредельный подлинный мир, живет истинной жизнью. Любовь по Платону соединяет божественное и земное. В «Федре» Платон приводит замечательный образ о душе, потерявшей крылья, и забывший мир идей. Любовь возвращает душе утраченные крылья, помогает вспомнить о мире идей, идеальной красоте. Эрос напоминает человеку о его божественном назначении.

Христианская традиция берет за основу понятие агапе – духовная любовь. Христианство акцентирует внимание на том, что Бог – это любовь. Он не только совершенный дух, абсолютный разум, но прежде всего – любовь. Агапическая любовь – это любовь-благодать, это божественный дар. Человек должен внутренне перестроиться, измениться, приобщаясь к божественной любви. Суть христианского учения о духовном смысле любви выражена у апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий... Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Посл. К Коринфянам. 13–14).

Прежде всего опыт любви связан с кардинальным разрывом человека с прежним порядком вещей. Любовь – это шок, духовное потрясение, которое «вырывает» личность из прежнего состояния. Опыт любви приводит к изменению суммарной жизненной позиции индивида. В этом опыте разрываются внешние, горизонтальные связи, вещные, предметно-упорядоченные. Открывается духовное начало бытия, вертикальные глубинные основы жизни, человека. Жизнь обретает глубинное духовное измерение. Опыт любви связан со смертью. В самом общем виде можно сказать, что в опыте любви происходит умирание той самости, того человека, который замкнут на себе, самодостаточен, атомарен. Умирает та сущность, поведение и характерис-

тики которой с позиции духовного опыта кажутся узкими, ограниченными, и в конце концов неприемлемыми. По другому это можно выразить следующим образом: через опыт любви и благодаря опыту любви другой, любимый становится частью Я; рождается новая личность, связанная духовно с другими (другим). Человек, переживший опыт любви, выходит за пределы «вещного» мира, обретает специфически человеческие духовные качества. Опыт любви близок опыту мистическому – здесь человек умирает для «этой жизни», чтобы возродиться в новом качестве. Можно сказать по другому: в опыте любви границы души человека раздвигаются. Происходит специфическая духовная диалектика «потери-обретения»: теряется эгоистичная, замкнутая на себе самость; обретается духовный горизонт, единство с другим (другими). Пережив духовный опыт любви, человек ощущает (часто неосознанно) тоску по Абсолюту, он ищет через и благодаря этому опыту Бога. Мы уже отмечали, что опыт любви есть разрыв прежних связей и отношений. Одновременно с этим этот опыт открывает недостаточность существования в этом мире вне духовного смысла. Человек ощущает абсурдность своего бытия в мире вне абсолютного духовного начала. В опыте любви открывается не только абсурдность прежнего существования человека, но и фиксируется жажда высшего Абсолюта. Однако фиксация этой позиции часто является смутной, она выступает «предзнанием» о должном осмысленном бытии. В диалектике духовного опыта опыт любви раскрывает как абсурдность жизни вне ее высшего смысла, он также предстают как путь к Абсолюту.

Однако понятие любви имеет более широкий смысл. В христианстве любовь понимается как основа специфических социальных отношений. Поэтому христианские богословы широко употребляют термин «цивилизация любви». В этом термине фиксируется трансцендентная духовная основа общества, которая покоится на божественной любви, а также раскрывается модель специфических человеческих отношений, которые должны реализовать особое – вертикальное – измерение общества, раскрыть духовное единство людей. В свое время об этом писал русский философ В.С. Соловьев. В работе «Смысл любви», любовь трактуется Соловьевым прежде всего как соединение в Боге, как духовное единство любящих. Задача любви, по Соловьеву, состоит в создании истинного человека. Однако назначение любви связано не только с восстановлением цельного духовного человека; задача любви состоит в духовном преображении всего человечества. По Соловьеву истинная жизнь индивидуальности «в ее полном и безусловном значении осуществляется и увековечивается только в соответствующем развитии всемирной жизни, в котором мы можем и должны деятельно участвовать»⁵. В реальной жизни каждый верующий должен стремиться

⁵ Соловьев В.С. Смысл любви. // Вл. Соловьев. Соч.: В 2 т. Т 2. с. 540.

к достижению гармонии, духовности, любви во взаимоотношениях между людьми. Однако осуществление этого идеала в полном объеме возможно и за пределами этого мира.

Традиционные конфессии христианства в своей сегодняшней практике и деятельности акцент делают на социальный аспект учения о Царстве Божьем, призывают верующих к активной деятельности на ниве культурного творчества. При этом эсхатологический момент не устраняется; он присутствует, хотя реальные сроки конца света не указываются. Они присутствуют в качестве теоретического постулата достаточно отдаленного времени. В реальном же опыте и реальной же практике акцент делается на трезвой (без иступления и крайности) работе, которая понимается как подготовка царства Божия, но при этом нет экстатичности переживания конца мира, свершения концов и сроков.

Надо сказать, что в реальной истории очень часто устранялась дистанция между земным и небесным царствами, ослаблялся эсхатологизм и в царстве земном того или иного свойства видели прототип (образец) царства небесного.

Подобный сценарий трактовки учения о царстве Божиим представлен в так называемых новых религиозных движениях. Важнейшей особенностью их неохристианской части является поиск социального идеала, который имеет четко выраженную хилиастическую окраску. Эти движения в той или иной степени представлены в современной Беларуси (Церковь Унификации Муна, Церковь Последнего Завета, Белое Братство и т.п.).

Религиозная практика, которую осуществляют члены неокультовых образований эклектична, строится на основе разных источников разнообразных практик. Как правило, этот пестрый набор состоит из техники, заимствованной из дзэн-буддизма, индуизма, переработанных в определенном духе постулатов гуманистической психологии, положений европейского мистицизма, теософии. Адепты широко применяют различные психотехники, стремятся достичь «умственного экстаза, особого видения. Целью этих практик является достижение некоей точки сознания, в которой индивид соединяется с другими людьми и с миром в целом: когда он ощущает себя как частичку Единого. Это предполагает как установку, так и осознание того, что каждый человек несет в себе частичку Единого. Поэтому индивид должен стремиться к тому, чтобы раскрыть в себе внутреннее божественное Я. Для этого необходима особая процедура самовыражения, расширения сознания, поднятие его на уровень сверхсознания. Обретение этого горизонта бытия – расширение сознания – должно якобы привести к изменению статуса самого этого мира и обретению человеком гармонии во взаимоотношениях с собой, другими людьми, природой. Неокульты делают акцент на том, что благодаря усвоению «истинного» знания, которым они якобы обладают, возможно наступление царства справедливости на земле.

Идеи хилиазма, т.е., учения «о тысячелетнем царстве божьем» на земле, имеют большую и яркую историю, восходя к Апокалипсису. В разные периоды истории хилиастические учения приобретали то более мистические черты, то наполнялись утопическими идеями построения совершенного общества в реальной истории. Эти идеи в полном объеме получили свое развитие в истории у Иоахима Флорского. Как известно Иоахим разработал мистическую концепцию мирового развития. Он разделил историю человечества на три эры, которые соответствуют трем лицам троицы. В эру Ветхого завета, которая длилась до Христа, люди поклонялись богу как своему монарху; это поклонение было основано на чувстве страха и подчинении. В эру Нового завета – Эру Христа – поклонение людей богу было основано на чувстве любви. Третья эра будет эрой Святого Духа. Она наступит после 2260 года и будет продолжаться до конца света. Эта вера будет торжеством на земле любви и мира, это будет эра Святого Духа, когда люди проникнутся Святым духом и будут жить на земле по Евангельским заповедям.

Нечто подобное можно найти и в неокультовских трактовках мировой истории. Очевидно, что для ряда неокультов характерны мистико-утопические проекты построения совершенного общества. Сам переход к этому совершенному обществу в одних неокультках трактуется эволюционистски, без громких катастроф и потрясений. В других считается, что переход будет сопровождаться рядом катастроф.

Для этих движений характерно особое восприятие времени. Здесь недостаточно просто констатировать факт своеобразия понимания хилиастами времени. Хилиаст (в этом абсолютно прав К. Маннгейм) вносит в понимание времени и, соответственно, истории качественную дифференциацию. Есть эпохи, временные отрезки, лишённые особого смысла, а есть эпохи, напряжённые, «нагруженные» особым смыслом. Хилиастическое сознание не восприимчиво... к процессу становления, для него существует лишь внезапность мгновения, преисполненная смысла «теперь»... нормативно-либеральное сознание также содержит эту качественную дифференциацию исторического процесса... различие заключается в том, что здесь полное осуществление идеала перемещается в далекое будущее и возникает в недрах становящегося здесь и теперь, в недрах повседневного, тогда как хилиаст связывает его с находящимся вне истории экстатическим переживанием»⁶. Поэтому можно сказать, что в течении времени есть особые точки, в которых смысл истории, ее конечные идеи, проявляются с особой очевидностью: они дают возможность «вечности» прорваться во временное. История дает различные примеры поведений религиозного утопического сознания: хотя в любом случае основная роль в осуществлении царства добра и справедливости отводится божественному действию, модель человеческого поведения

⁶ Утопия и утопическое мышление. М., 1991. с. 140.

варьируется. Главным здесь является призыв к нравственной чистоте, молитве покаянию. Однако реальные социальные действия вовсе не отменяются автоматически, они могут присутствовать или отсутствовать – в зависимости от конкретной ситуации. Можно сказать, что в определенных условиях эти установки могут наполняться различным социальным содержанием – либо элементами социального активизма, либо акцентировать мистику, самоуглубление.

Особенностью хилиазма является идея о земном царстве. Переворот и потрясение, будучи осуществленными божественным действием, преобразуют земную реальность и приведут к созданию рая на земле. Неокультистские варианты этой идеи достаточно разнолики при общем типическом родстве – идеи земного рая. Здесь важной является (практически для всех неокультистов) идея патриархальной формы хозяйствования, идея патриархальной семьи, коммуны, которая ведет натуральное хозяйство вне городов (сгустков «зла» современной цивилизации). Как правило прокламируется возврат к земле и природе.

Другой особенностью хилиастических установок является использование идеи о том, что спасается определенная часть людей; «верный остаток» праведников, проникшихся установками нового знания, истины. В этом плане харизматический лидер, носитель истины, понимается как носитель божественных энергий, «проводник» между земным и божественным миром. Он как бы проговаривает людям божественное знание, готовит их к спасению. В этой ситуации особую важность приобретает готовность человека к спасению. Именно поэтому всевозможные методики неокультистов (правильное дыхание, медитативная практика, физические упражнения) нужно понимать прежде всего как подготовку человека к божественному свершению «конца времен и сроков».

[знаков 25 305]

Autorka dokonuje interpretacji tradycyjnych wyznań chrześcijańskich oraz prądów niechrześcijańskich. Podkreśla, że wyznania chrześcijańskie zachowują wymiar eschatologiczny. Łączą one w sobie tradycyjne dla chrześcijaństwa ideały moralnego samodoskonalenia osobowości umożliwiające zbliżenie się do Boga z ideą aktywności społecznej człowieka. Chiliastyczne skłonności są charakterystyczne dla prądów niechrześcijańskich. Te bowiem głoszą religijno-utopijne projekty absolutnego społeczeństwa, opartego na wierze w budowę Królestwa Bożego.

The interpretation of social ideal in the traditional Christian confessions and non-christian currents is considered in the article. It is noted, that the traditional Christian confessions preserve eschatological perspective in their interpretation of God's Kingdom. They combine the traditional for Christianity ideals

---

of moral self-perfection of personality, the main route to God with the ideas of man's social activity. Chiliastic dispositions are characteristic of non-christian currents; they proclaim religiously utopian projects of the construction of absolute society, assert the possibility of the construction of God's Kingdom.